

Поскольку теория дискурса и дискурсивный анализ разрабатывались прежде всего французскими и английскими семиологами и лингвистами, полагаем уместным и оправданным обратиться к анализу концепции А.Ж. Греймаса и Ж. Курте, выделивших основные аспекты дискурса как семиотического процесса [Семиотика, 1983, с. 488-493].

Наиболее лаконично исходный принцип, очевидно, был сформулирован М. Фуко: «Дискурс – событие знака, но то, что он делает, есть нечто *большее*, нежели просто использование знаков для обозначения вещей. Именно это «нечто большее» и позволяет ему быть несводимым к языку и речи» [6, с. 50].

Обнаруживая сложную природу, дискурс предстает как *семиотический процесс*, реализующийся на синтагматической оси языка, и в этом смысле он принадлежит семиотике «мира слов» естественного языка. В этом аспекте дискурс обсуждается как объект дискурсивной лингвистики, базирующейся на исследовании текста как речевого произведения, а термины «дискурс» и «текст», благодаря постулату о синтагматике, становятся отчасти синонимичными, ср.: *linguistique discursive ~ linguistique textuelle*.

Ключевым элементом структуры и основы дискурса выступает высказывание – *énoncé*, если рассматривать дискурс как результат связывания фраз; если же исходить из понимания дискурса как целого, то высказывания будут только его сегментами, или фрагментами. Отношения «дискурс – высказывания» позволяют моделировать индукции и дедукции фразовых грамматик, по З. Хэррису, вводящие ряд приемов-правил описания поверхностных и глубинных, грамматических и семантических параметров высказываний, типа правил построения абзаца, сверхфразового единства и т.п.

В общей теории языка семиотическая природа дискурса выявляет противопоставление «дискурс – нарратив», аналогичное антиномиями «язык-речь», «компетенция – перформация», которое формирует дискурсивную компетенцию в синтагматике и семиотико-нарративную компетенцию – в парадигматике. При этом дискурс, создаваемый актом высказывания – *l'énonciation*, по Э. Бенвенисту, оказывается результатом семантических членений и трансформаций и ограничено включается в коммуникацию. Иными словами, по завершении акта высказывания возникает высказывание-дискурс как коммуникативная структура, одновременно и лингвистическая, и экстралингвистическая.

Заключение. Таким образом, понятие дискурса становится одним из ключевых семиотических концептов: если в языке дискурс объективируется как речевое произведение, как отдельный акт речевой деятельности, наконец, как акт высказывания («перевод языка в дискурс»), то в сфере семиотики и коммуникации дискурс выступает как одна из моделирующих систем, как когнитивная структура, стремящаяся к автономии.

Список литературы

1. Словарь терминов французского структурализма / сост. И.П. Ильин // Структурализм : «за и «против». – М. : Просвещение, 1975 – с. 450–461.
2. Бенвенист, Э. Формальный аппарат высказывания // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Просвещение, 1974. – С. 311–319.
3. Бенвенист, Э. Соссюр полвека спустя // Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М. : Просвещение, 1974. – С. 47–89.
4. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., доп. – М. : Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
5. Бондаренко, А.В. Функциональная грамматика / А.В. Бондаренко. Л. : Культпросвет. – 174 с.
6. Фуко, М. археология знаний / пер. с фр. Бр. Левченко. – Киев : Ника-Центр, 1996. – 208 с.

БЕЛОРУССКОЯЗЫЧНАЯ БЕЗЭКВИВАЛЕНТНАЯ ЛЕКСИКА В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ

А.А. Лавицкий

Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Республика Беларусь является сегодня единственной страной бывшего Советского Союза, где конституционно с 1996 года закреплено государственное белорусско-русское двуязычие. Оба языка равноправны в их использовании во всех сферах: законотворчества, официально-деловой коммуникации, публицистической деятельности, межличностном общении и т.д. Однако наши наблюдения показывают, что языковой паритет в стране отсутствует: русский язык как средство коммуникации на всех уровнях используется активнее. С одной стороны, это вполне закономерно и исторически объяснимо, так как, во-первых, для большинства стран бывшего СССР «<...> речь идет об особом типе би(поли)лингвизме, при

котором доминирующую роль объективно играет русский язык как язык, подтвердивший свою государствообразующую роль, роль мирового языка, посредством которого мир «узнал» о существовании больших и малых этносов и этнических групп, населяющих евразийское пространство» [1, с. 46], а также о культуре, самобытности этих народов и отношений. Во-вторых, законодательно разрешенный в контексте белорусской языковой политики выбор языка общения как одно из важнейших гражданских прав и свобод позволило белорусам сохранить гражданское единство, не допустить дискриминаций на национальном и языковом уровнях, что неоднократно наблюдалось и наблюдается в некоторых бывших союзных республиках.

Однако, несмотря на приведенные мнения, статистические данные последней переписи населения (2009 г.) констатируют, что за период 1999–2009 годов доля этнических белорусов, для которых родным был белорусский язык, сократилась с 85,6% до 60,8%. Такие цифры заставляют задуматься о дальнейшем развитии языковой ситуации в стране. С этой целью мы провели экспериментальное исследование, в ходе которого попытались выяснить, кокой из двух государственных языков молодые белорусы считают своим родным, а также насколько хорошо они владеют белорусским языком и могут объяснить значение безэквивалентных лексических единиц.

Материал и методы. Материалом исследования послужили результаты экспериментального анкетирования для подготовки которого был использован «Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні)». В качестве методов исследования были использованы 1) общенаучный метод анкетирования, 2) математические методы обработки и систематизации данных, а также 3) лингвистические методы дискурс- и контекстанализа.

Результаты и их обсуждение. По мнению Н.Б. Мечковской основной слой безэквивалентной лексики в языке формируют слова обозначающие прежде всего специфические предметы и явления жизни отдельной культурной общности [2, с. 85]. Таким образом, безэквивалентная лексика не только отражает лексическую специфику всего языкового фонда, имеет особое значение для переводчиков, но и играет ведущую роль «в создании национального «лица» языка» [с. 4].

Таким образом, выбор в качестве предмета исследования безэквивалентной лексики неслучаен: мы полагаем, что понимание такого рода лексических единиц на уровне языкового сознания характеризует личность не только с точки зрения ее образования, классовой общественной принадлежности и других социальных характеристик, но и национально-этнической принадлежности. Иными словами, языковое сознание способно отражать национальную самоидентификацию. В случае с безэквивалентной лексикой выдвигаемая гипотеза звучит следующим образом: *до тех пор, пока безэквивалентная лексика отражает в языковом сознании часть личного мировосприятия, национальная самоидентификация личности будет связана с национально-языковой принадлежностью данной лексики.*

Для верификации предположенной идеи нами была разработана специальная анкета, в которой опрашиваемым предлагалось перевести с белорусского языка на русский следующие слова:

- 1) абшыванка – выдолбленная из ствола дерева лодка с нашитыми для большей устойчивости бортами из досок;
- 2) знічка – падающая звезда;
- 3) бярозавік – напиток из березового сока;
- 4) здор – нутряной свиной жир;
- 5) кватэрка – мера объема или бутылка объемом в четверть кварты;
- 6) мур – каменная или кирпичная стена;
- 7) прыпар – а) время самой напряженной работы в сельском хозяйстве, б) самое горячее время дня или года;
- 8) пячонік – картофелина, запеченная на огне;

В качестве словарного источника мы использовали «Слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні)» (Словарь белорусской безэквивалентной лексики (в русскоязычном отношении)). Выбор конкретных лексических единиц был обусловлен их буквенно-звуковой схожестью с некоторыми русскоязычными словами. Например, абшыванка – вышиванка (современное разговорное название традиционной вышитой рубахи); знічка – ресничка; бярозавік –

подберезовик; здор – вздор; кватэрка – квартирка; мур – амур, муравей, муровать; прыпар – препарат, припаривать; пячонік – печь, печенка.

Анкетирование было анонимным и проводилось среди студентов филологического факультета Витебского государственного университета имени П.М. Машерова. В опросе приняли участие 121 человек в возрасте от 17 до 23 лет. Для чистоты эксперимента нами был соблюден половой паритет его участников (54 мужчины и 67 женщин). Интересным нам представляется также и тот факт, что родным русский язык назвали 86 респондентов (71,1%), белорусский – 25 человек (20,6%), для 10 студентов оба языка являются родными (8,3). Полученные результаты перевода отражены в таблице:

Количество правильных переводов (%)	<i>Безэквивалентные лексические единицы</i>							
	<i>абшыванка</i>	<i>знічка</i>	<i>бярозавік</i>	<i>здор</i>	<i>кватэрка</i>	<i>мур</i>	<i>прыпар</i>	<i>пячонік</i>
	21,49	42,98	23,97	1,65	0,00	12,4	12,4	6,61

Заклучение. Таким образом, данные проведенного эксперимента показывают, что только около 15,2% переводов студентов были правильными. Однако нам не встретилось ни одной анкеты с полностью правильным переводом. А число правильно выполненных переводов безэквивалентных слов не зависело от того, какой язык респондент считает своим родным. Анализ неправильных ответов показывает, что большинство из них как раз и связан с тесным буквенно-звуковым сходством выбранных нами слов. Безусловно, полученные результаты нельзя назвать абсолютными для всей Беларуси, однако, они дают достаточную почву не только для дискуссий относительно статуса и перспектив развития государственных языков в нашей стране, но и указывают на необходимость дальнейшего законодательного совершенствования отдельных аспектов языковой политики, которая неразрывна связана с вопросами государственности, национально-этническим самоопределением и т.д.

Список литературы

1. Бахтиреева У.М. Теория билингвизма в русском языкознании // Лингвистика XXI века : сб. науч. ст. к 65-летию юбилею проф. В.А. Масловой / соред. В.В. Колесов, М.В. Пименова, В.И. Теркулов. – 2-е изд., стер. – М. : Флинта, 2014. с. 45–56.
2. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: пособ. для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев / Н.Б. Мечковская – 2-е изд., испр. – М. : Аспект Пресс, 2000. – 207 с.
3. Шкраба, І.Ш. Самабытнае слова : слоўнік беларускай безэквівалентнай лексікі (у рускамоўным дачыненні) / І.Ш. Шкраба. – Мінск : Беларуская энцыклапедыя, 1994. – 223 с.

КАНЦЭПЦЫЯ АСОБЫ Ё ЛІРЫЦЫ 60-х ГАДОЎ ХХ СТАГОДДЗЯ

*В.В. Лапацінская
Віцебск, ВДУ імя П.М. Машэрава*

Кожны этап развіцця грамадства характарызуецца сваімі істотнымі асаблівасцямі, якія вызначаюць спецыфіку культурнага і літаратурнага модусу. 60-я гады ХХ стагоддзя – гэта своеасаблівы перыяд у гісторыі і этап літаратурнага працэсу. Час паставіў на парадак дня праблему актывізацыі ролі чалавека ў жыцці, адлюстравання багацця яго ўнутранага свету, “узвышэння простага чалавека” [5, 72], – так характарызуе М.Мішчанчук эпоху, якую мы аналізуем. Мэта даследавання – раскрыць асаблівасці стварэння канцэпцыі асобы ў лірыцы 60-х гадоў ХХ стагоддзя.

Матэрыял і метады. Матэрыялам даследавання стала паэзія перыяду “адлігі”. Метады даследавання: функцыянальна-гістарычны, тыпалагічны, герменеўтычны.

Вынікі і іх абмеркаванне. Пацяпленне палітычнага клімату і паслабленне кніжнай цензуры выклікалі ажыўленне грамадскага і культурнага жыцця. Людзі паступова пачынаюць усведамляць сваю асабістую значнасць і адказнасць за тое, што робіцца ў грамадстве, а пісьменнікі, у сваю чаргу, праяўляць вострую зацікаўленасць жыццём “прыватнай асобы”. “Узвышэнне чалавека” [6] па ўсіх пазіцыях становіцца тэндэнцыяй часу: “Паэтаў захапіла ўжо сама магчымасць грамадска актыўнага служэння, сцвярджэння чалавечага права на ўласнае выказванне, свой погляд, думку, сваё права на ўдзел у вырашэнні набалелых праблем часу. Захапіла пропаведзь вяртання чалавеку яго элементарных, адабраных культураўскім дыктатам, дэмакратычных правоў і свабод”, – чытаем у артыкуле вядомага даследчыка М.Арочкі [1, 235].